

INSPIRIA

ДАЙ МНЕ ПОВОД

18+

ЛЮБОВЬ НЕ ЧИНИТ
СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ.
ОНА УЧИТ ЛЕТАТЬ БЕЗ НИХ.

Э.А. ДЖЕКСОН

INSPIRIA

Э. Л. Джексон
Дай мне повод
Серия «Circake. Горячий шоколад»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74362216

ISBN 978-5-04-251607-8

Аннотация

Трент «Призрак» Лоусон не был рожден злым. Он просто вырос там, где добрых убивали первыми. Теперь он – отец-одиночка и хозяин ночного клуба, выстроивший вокруг себя непробиваемую крепость из запретов.

Иден Мерфи, учительница его сына, ворвалась в его жизнь, не спрашивая разрешения. Она – его единственный свет и главная уязвимость.

Когда тени прошлого возвращаются, Трент понимает: Иден стала мишенью. Чтобы спасти ее, он готов развязать войну с целым миром и собственным сердцем. Он намерен вытравить ее любовь, даже если это убьет его самого.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	36
Глава четвертая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джексон Э. Л

Дай мне повод

Copyright © by A.L. Jackson, 2021

© Кокта М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава первая

Трент

Было почти десять вечера, когда я вкатился на забитую парковку ночного клуба.

На маленький калифорнийский городок Редемпшн-Хиллз уже давно опустилась темнота. Непроглядное небо накрыло его черным одеялом. На этом мрачном фоне неоновая вывеска на трехэтажном здании полыхала ядовитым маяком порока, расцвечивая ряды машин и мотоциклов у входа.

Я затормозил у дверей и поставил ноги на землю, чтобы сдать назад. Заглушив рокочущий мотор, откинул подножку и слез. Огни клуба, казалось, просачивались сквозь толстые кирпичные стены вместе с тяжелой музыкой.

Закурив, я направился к входу, слушая, как под подошвами хрустит мелкий гравий.

– Мистер Лоусон. – Култ кивнул, когда я приблизился.

По мере того как я пробирался сквозь очередь у дверей, люди провожали меня взглядом.

– Култ, – отозвался я, подойдя ближе.

– Как дела, сэр?

– Еще дышу.

Он усмехнулся:

– Можно ли желать большего?

Култ работал у меня вышибалой последние четыре года. Настоящая гора мышц. Преданный до мозга костей. То, что нужно, – ни больше ни меньше.

Раздавив окурок носком ботинка, я огляделся:

– Без происшествий сегодня?

– Пока да, сэр, – ответил Култ, но его мощная фигура оставалась напряженной.

– Отлично, – сказал я, обводя взглядом толпу. Казалось, мое присутствие отметил каждый из собравшихся. Все их внимание сфокусировалось на мне.

Отец всегда говорил, что уважение нельзя заслужить, его нужно взять силой.

Нужно завладеть им.

Присвоить себе.

Как бы сильно я ни презирал эту свинью, в одном он был прав.

В том, как быстро изменилось поведение людей. Они за-нервничали. В их крови вскипел инстинкт самосохранения.

Словно они почувствовали дрожь земли от моего мотоцикла.

Ощутили, как что-то поменялось в грязном и затхлом воздухе.

Я всегда находил ироничным то, с каким отчаянием они цеплялись за обещание, сиявшее на фасаде голубым неонem.

«Искушение».

Отпущение всех грехов, от которых они бегут.

Прощение всех ошибок, которые они могут совершить этой ночью.

Разрешение не чувствовать ничего, кроме наслаждения.

И все же они косились на меня так, будто даже захваченные жаждой удовольствия, они чувствовали ее порочность.

И они не ошибались.

– Под завязку? – спросил я. В очереди перед входом стояли по меньшей мере человек двадцать, но я привык держать на контроле каждую мелочь в моем клубе.

– Да, сэр, часов с девяти.

– Хорошо.

– Как всегда. – На бородатом лице Култа мелькнула улыбка.

Я коротко кивнул на прощание и, проскользнув у Култа за спиной, вошел через двойные двери в тускло освещенный бар. Музыка гремела из динамиков и эхом разносилась по этажам. Она задавала атмосферу, пока все ожидали выступления группы. До концерта оставался примерно час.

«Искушение» балансировало на грани между роскошным заведением и кабаком.

Чертовски крутые группы и лучшая выпивка в маленьком популярном горном городке, спрятанном в самом северо-восточном уголке Калифорнии.

Байкерский бар, в который толпами стекались жители Редемпшн-Хиллз, чтобы прикоснуться к опасности, исходящей от его стен, имея при этом возможность уйти отсюда

утром, не испытывая ни капли вины.

Я забрался поглубже в чрево своего бара.

Это место я построил с нуля. Ну, и братья немного помогли.

Я обвел взглядом огромный зал. Лампы, свисающие с потолка, напоминающего пещерный, отбрасывали тусклый свет. Атмосфера царила разнузданная.

Вдоль стен нижнего этажа по всему периметру тянулись столы и диваны, а сцена и танцпол находились в дальнем правом углу.

Второй бар и бильярдные столы располагались на верхнем этаже, который имел форму подковы и служил своего рода балконом, с которого хорошо просматривалась сцена.

Я направился к длинному матово-черному бару у дальней стены.

Полки из металла и стекла на стене за баром, казалось, парили в воздухе, а плотные ряды стоящих на них бутылок отражали голубой неоновый свет.

Я обогнул несколько парочек, уютно устроившихся на диванах, и компании студентов, которые явно желали прикоснуться к дикой стороне жизни.

За баром стоял Сейдж. Завидев меня, он кивнул в знак приветствия. Темные татуировки на его еще более темной коже были похожи на извивающихся разъяренных демонов. И этот парень выглядел бы не менее угрожающе, чем они, если бы не широкая улыбка.

– Привет, Трент. Ты как раз вовремя притащил сюда свою ленивую задницу.

Не переставая самодовольно ухмыляться, он налил мне как обычно. Я опустился на барный стул, и Сейдж подтолкнул ко мне стакан.

Усмехнувшись, я сделал глоток шотландского виски, заглушивший бурление хаоса внутри меня, которое я не был в силах унять. Как и всегда. Он рвался наружу.

– Отчитаешь меня за опоздание? – пошутил я, изгибая бровь.

Этот наглец любил строить из себя босса.

Учитывая, что он полностью руководил заведением в мое отсутствие, вероятно, не без оснований.

Сейдж рассмеялся, и в его смехе слышались нотки жалости.

– Нет уж, спасибо. Здесь и так сложно следить за порядком. Хочешь, чтобы я взял на себя еще одну обязанность?

Я наклонил стакан в его сторону.

– Я могу доверить это только тебе.

– Пожалуй, в таком случае мне стоит умерить свой энтузиазм, да? – поддразнил он меня, ухмыляясь.

– Черта с два. Без тебя это место развалится. Кстати, как дела сегодня?

Сейдж вытер руки полотенцем. Он был моим главным управляющим, но ему нравилось изображать из себя бармена. Это позволяло ему быть начеку. Следить за всем и дер-

жать ухо остро. Находиться в гуще событий. Смешаться с остальными сотрудниками, чтобы они, посчитав его за одного из них, потеряли бдительность.

Он всегда первым узнавал, если намечалось что-то неладное.

К тому же Сейдж на самом деле чертовски любил людей, так что здесь он был на своем месте.

– Все хорошо. Товар принят и поставлен на приход. Сейфы заполнены. Все цифры у тебя на столе. Группа готова к выступлению. Весь персонал на месте, кроме Лайлы. Что удивительно. Кстати, кое-кто пришел на собеседование. И она отказалась уходить, пока не увидит тебя, так что приготовься, легко она не отступит.

В его карих глазах вспыхнул огонек, и Сейдж, ухмыляясь, показал в сторону кабинки у левой стены.

Я перевел взгляд на блондинку, которая сидела внутри, потягивая колу, и так разительно выделялась на фоне остальных, что я даже со своего места почувствовал, насколько ей некомфортно.

Нахмурившись, я вновь посмотрел на Сейджа:

– Ты шутишь, что ли? Кто ее пустил?

Едва сдерживая смех, он пожал плечами:

– Я.

Раздражение вырвалось со вздохом:

– Ты с первого взгляда должен был понять, что ей здесь не место.

Вот черт, она же словно кусок сырого мяса, брошенный на съедение волкам. Беззащитная легкая добыча. Эту девушку разорвут на части в таком месте, как мой бар.

И отличным доказательством этому был мой член, подскочивший при одном взгляде на нее.

– К тому же собеседования только по предварительной записи, – добавил я, как будто Сейдж не знал правил.

Он поднял руки:

– Эй, мужик, я ни при чем. Она села в ту кабинку вся такая красивая и заказала напиток. Она клиент. Конечно, она сидит здесь уже с трех часов, отказываясь уходить, пока не поговорит с кем-то из руководства, потому что, знаешь ли, наш начальник не явился на собеседование, назначенное на это время.

– Вот черт, – буркнул я, закрывая лицо рукой. – У меня совсем вылетело из головы.

Сейдж саркастически поднял бровь:

– Да ладно?

– Мог бы и разобраться с этим.

– Я пошел к ней, а она одарила меня обаятельной улыбкой и сказала «ну пожалуйста». Что оставалось делать такому джентльмену, как я? К тому же в мои обязанности не входит выгонять ее.

Джентльмен?

– Ладно. Избавлюсь от нее. – Я усмехнулся и встал, взял свой стакан со стойки и направился в сторону кабинки.

Девушка сидела лицом к залу и осматривалась. От нее так и веяло тревогой, которая распространялась по воздуху пульсирующими волнами.

Покалывающими нервными импульсами энергии, бурлящей и вырывающейся наружу.

Сделав глубокий вдох, я нацепил на лицо свое самое безразличное выражение, потому что, черт возьми... Я почуял запах добычи.

Доброта.

Беззащитность.

Надо было приказать Култу выставить ее, ведь я почувствовал, что должен уйти подальше, поджав хвост. Держаться от этой девушки так чертовски далеко, как только возможно.

Нужно было сообразить, что не стоит с ней даже связываться. Но что я делаю, когда мне в голову приходит плохая идея? Обычно встречаю ее с гребаным приветственным плакатом.

И вот опять. Поддался непреодолимому желанию взглянуть на нее поближе. Такого чувства у меня не было уже давным-давно.

Запустить свои грязные пальцы во что-то чистое. Как будто так я мог очистить свое нутро.

Остановился ли я?

Не-а.

Меня тянуло к ней.

Я приближался.

Удивительно, но мне кажется, я никогда не видел никого с такой внешностью – одновременно уникальной и неприлично сногсшибательной.

Ее нос, казалось, был большеват, а черты лица островаты, чтобы она вписывалась в стандарты идеальной красоты. Густые светлые волосы были разделены пробором посередине и ниспадали на плечи крупными локонами, словно она пришла сюда из другой эпохи.

Подбородок у нее был в форме сердечка, а губы она сложила крошечным розовым бантиком, так невинно, что мне в голову даже закрались сомнения, что их хоть кто-то целовал по-настоящему.

Я быстро пришел к выводу, что все это вместе и делает ее такой яркой.

Такая стоическая красота может поставить на колени порочного мужчину.

Она, как и все остальные, почувствовала, что я иду в ее сторону. Нервный холодок пронесся по воздуху, когда я подходил. Она подняла голову. Ее глаза цвета ноябрия остановились на мне. Калейдоскоп коричневых, зеленых, желтых и рыжих оттенков. Словно влажные опавшие листья, мерцающие и сверкающие в приглушенном свете, они запустили еще одну волну мурашек к моему члену.

Она окинула меня с ног до головы пристальным взглядом, словно считывала всю информацию обо мне.

Чувствуя прежде всего страх.

Опасность.

Недоверие.

Хорошая девочка.

Но в воздухе между нами возникло что-то еще. Что-то почти осязаемое, но странным образом неуловимое.

В доказательство этому по ее коже пробежали мурашки.

Дикий озноб.

Твою мать.

Она подняла плечи, словно пытаясь защититься от этого ощущения, и вздернула подбородок, демонстрируя уверенность, отчего уголок моего рта дернулся в ухмылке.

Ну просто маленький дерзкий котенок.

Я проскользнул в кабинку и сел напротив нее. Со всей возможной непринужденностью положил руку на спинку дивана, а другую, все еще держа стакан, поставил на стол.

Не успел я открыть рот, как она спросила:

– Вы владелец?

Ее голос с придыханием прозвучал так соблазнительно, вот черт...

– Да, – процедил я.

Она протянула руку через стол.

– Здравствуйте. Я Иден Мерфи. Очень признательна вам за возможность встретиться.

Да, вот только я не очень-то хотел встречаться с той, из-за кого меня охватил приступ мгновенного вожделения. На-

столько сильный, что у меня подергивались пальцы, а крошечная частичка совести, которая все еще оставалась, говорила мне держаться подальше от сладкого аромата, который наполнил мои ноздри, как наркотик.

Мое собственное шестое чувство.

Потому что для такого парня, как я, именно свет был опасен. Он способен вскрыть мою уязвимость. Подвергнуть меня риску.

Я бросил свирепый взгляд на ее изящную маленькую ручку, как будто она могла накинуться на меня как гадюка, а потом наклонил голову и выдавил из себя:

– Трент Лоусон; прошу прощения, что заставил тебя ждать, милая, но нам не нужны официанты.

Я уже встал и развернулся, чтобы убраться оттуда подальше, но ее голос остановил меня:

– Эм... подождите... что?

Я почувствовал, как ее растерянность и отчаяние настигли меня.

Вцепились.

Когтями впились мне в кожу и потащили назад на диван. За моей спиной потоком хлынули слова:

– Но в объявлении сказано, что вы ищете сотрудников, и мне было назначено собеседование сегодня в три часа. У меня достаточно опыта. Я работала в кафе все время, пока училась в старших классах, а потом в кофе-баре, пока училась в колледже.

– Как и все остальные, солнышко, – бросил я, не оглядываясь, потому что мне было опасно смотреть на нее.

На эту девчонку с глазами цвета осени и трепетным сердцем.

– Прошу вас, хотя бы выслушайте меня. – По мере того, как я уходил, в ее голосе звучало все больше волнения. Она паниковала. – У меня есть опыт, и я быстрая... и... и я всю свою жизнь танцевала.

Я повернул голову достаточно быстро, чтобы заметить судорожный глоток. Она словно пыталась остановить слова, которые уже не могла вернуть.

Я мрачно усмехнулся.

Она серьезно?

Я вернулся в кабинку, понятия не имея, к чему эта девчонка клонит, но чувствуя, насколько сильный интерес пробудился в глубине моей больной души.

– Что ж, расскажи мне об этих танцах, Котенок, которыми ты занималась *всю* свою жизнь.

Девушка вздрогнула, ее нежная шейка дернулась, когда она сглотнула, слова давались ей с трудом.

– Я с детства занималась балетом, – сказала она. – А теперь преподаю детям.

У меня вырвался грубый смешок.

– Балет?

– Да. Я могу показать, если хотите. – Она наклонила голову, явно бросая мне вызов.

Сдавленно хмыкнув, я сделал глоток виски, впился зубами в нижнюю губу и откинулся на спинку дивана, разглядывая девчонку.

– Хотелось бы знать, как танцы связаны с работой официанткой здесь. Или это место кажется тебе похожим на стрип-клуб?

– Нет. Я просто... Подумала, что это могло бы... – Она замолчала, прикусив губу.

Приподняв бровь, я прошел беззастенчивым взглядом по ее плечам и груди. На ней была нежно-голубая блузка, застегнутая под самое горло, а сверху она надела костюмный жилет, как будто пришла устраиваться в банк на должность кассира.

Девушка была чертовски хороша, но нисколько не вписывалась в атмосферу этого места, хотя у меня возникло ощущение, что она пыталась убедить меня как раз в обратном.

Нет, у нас, конечно, не было танцовщиц, но не секрет, что наши официантки не стеснялись будоражить воображение клиентов. Они распаляли их желание, дразня кусочками оголенной кожи то там, то здесь, но не выставляя напоказ все.

Неприкасаемые, они ходили среди неистовствующей толпы, словно падшие ангелы.

Девушка напротив меня, может, и ангел, но не из тех, что обитают здесь.

Мой смех был резок и остер, как лезвие бритвы.

– Прости, Котенок, я понимаю, о чем ты. Но могу с уве-

ренностью сказать, что ты не подходишь под наши требования.

Обида, промелькнувшая на ее лице, почти затмила отчаяние.

– И что это значит?

Поднимаясь с дивана, я оперся ладонями о стол и наклонился ближе к ней.

Меня окатило очередной ударной волной.

Снова страх и недоверие.

Но на этот раз я безошибочно почувствовал еще кое-что: сильное, пугающее влечение.

Я наклонился ближе и сказал ей на ухо:

– Это значит, что тебя здесь живьем съедят.

И скорее всего, это сделаю я сам.

Я буквально почувствовал, что у нее по спине пробежали мурашки.

Ее нервный импульс передался мне.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы не лизнуть ее подбородок.

Потому что, черт возьми, я хотел попробовать ее на вкус.

Я слегка отодвинулся, рассчитывая на то, что она выскользнет и убежит сломя голову ради собственной безопасности.

Но нет.

Только не эта девушка.

Она снова вызывающе вздернула подбородок:

– Я совсем не такая хрупкая, как вы думаете.

Я вдохнул ее медовый аромат. Пришлось призвать все свои силы, чтобы оставаться хорошим мальчиком, учитывая, что мне до смерти хотелось проверить ее слова на деле.

– Поверь мне, милая, я делаю тебе одолжение. Таким девушкам, как ты, не место в подобном заведении. А теперь отправляйся домой и запишись на замок, пока не пожалела, что переступила порог моего бара.

– Вы всегда так высокомерно общаетесь с женщинами, которые хотят устроиться к вам на работу?

Желание и презрение.

Их источала ее кожа.

На этот раз я все же провел носом по краешку ее уха, шепча:

– Только с теми, кто выглядит, как ты.

Я оттолкнулся от стола и уже хотел уйти, но тут же замер. Меня словно молнией поразило, когда она схватила меня за запястье.

И ахнула, как будто тоже почувствовала это. А потом процедила сквозь зубы:

– Мне не нужна ваша защита, мистер Лоусон. Что мне нужно, так это работа здесь.

Глава вторая

Иден

В том месте, где я схватила его за запястье, вспыхнуло пламя. Жар, обдавший мою кожу, огненной вспышкой промчался вверх, опалив руку, и растекся в груди. Он поселил в моем сердце хаос. Смятение, неразбериху и жадность, хотя я и подумать не могла, что их вызовет во мне этот незнакомец.

Едва переступив порог клуба, я поняла, что зашла на опасную территорию. В логово дьявола.

Этот парень был прав.

Скорее всего, меня съедят заживо. Мне здесь не место. Я не вписываюсь. Не скажу, что хотела бы или что мне стало стыдно от того, как неуютно я почувствовала себя здесь. Совершенно не в своей тарелке.

Но у меня не было иного выхода.

Бывают в жизни такие времена, когда приходится смириться и идти на жертвы. Когда нужно выйти из зоны комфорта, лишь бы только помочь самым дорогим людям.

Даже если мои старания лишь слегка изменят жизнь моего отца к лучшему, оно того стоит.

Я крепче стиснула запястье под тяжелым взглядом парня, явно говорящим, что я пожалею о своей смелости прикоснуться к нему.

Даже не сомневаюсь, что пожалею.

Я проглотила свою гордость, страх, дурные предчувствия и постаралась придать лицу смелое выражение.

– Прошу.

На его мрачном красивом лице отразилось откровенное недоверие.

– Значит, танцовщице нужна работа.

Он насмеялся надо мной. Я услышала издевку в словах, сорвавшихся с его языка. Он словно насаживал меня как наживку на свой крючок.

Почему я сказала это ему? Но так уж случается, когда впадаешь в отчаяние.

Скажешь что угодно, сделаешь что угодно, лишь бы исправить свое положение. Помочь тем, кого ты любишь.

– Нужна.

– А у нее есть... какие-то еще таланты?

Он зловеще ухмыльнулся.

От этой ухмылки у меня по телу снова пробежал холодок. Внутри все запульсировало и задрожало от появившегося чувства, которое я не хотела признавать. Как будто каждое нервное окончание в теле внезапно пробудилось к жизни.

– Как я уже говорила, я много лет работала официанткой, и я быстро научусь, даже если чего-то пока не умею. Я уверена, что вы сможете меня обучить.

Я сказала это непреклонным тоном. Несмотря на вставшие дыбом волосы. Несмотря на еще непонятное чувство,

которое он вызвал во мне.

Я словно балансировала на острой как бритва грани между отвращением и желанием.

А ведь я только пять минут назад впервые увидела его.

Это был ужасный знак, если честно. Знак, который предупреждал меня о том, что я должна уйти. Но я не сдвинулась с места.

Мужчина снова рассмеялся своим дьявольским смехом.

Он сделал шаг назад, и это движение мне показалось хищным; не знаю почему, но я почувствовала в нем угрозу. А еще в том, как он заполнял собой все небольшое пространство кабинки. Восхитительная тень, заслонившая меня от солнца.

Он источал электричество. Непреодолимое притяжение, способное привести слабых к гибели.

Его волосы цвета вороного крыла, выбритые по бокам, были длиннее на макушке; глаза – цвета тлеющего угля.

Как две приманки, влекущие к искушению.

Он не был здоровяком вроде вышибал на входе. Стройный и высокий, с выразительно перекачивающимися под кожей крепкими и упругими мышцами. И от этого он приобретал еще более устрашающий вид.

Почти вся видневшаяся из-под одежды кожа была покрыта рисунками. Одни спускались из-под рукавов кожаной куртки на тыльную сторону ладоней и доходили до самых костяшек пальцев. Другие тянулись вверх по шее из горловины футболки и скрывались за ушами.

И вот он стоял и смотрел на меня, а я не могла оторвать взгляда от его выразительных и запоминающихся черт лица. От этой пугающей красоты, которая вселяла страх.

Не уверена, что когда-то встречала настолько возбуждающего мужчину.

Насколько мрачно-притягательного.

Способного резко пробудить чувства.

Как бы ни пыталась, единственное, что я могла найти в нем мягкого, – его роскошные пухлые губы, и то если не обращать внимания на усмешку, в которой они были изогнуты, казалось, постоянно.

Я чувствовала дрожь по всему телу и слышала крик из глубины души.

Этот парень был плохим.

Насквозь.

И я стояла перед ним, идиотка, умоляющая дать ей шанс.
– Я сделаю что угодно.

Судя по его ухмылке, мне не стоило этого говорить.

– А, я вижу, Котенок. Ты любишь играть с огнем.

– Нет, – ответила я. Совершенно честно. Искренне.

Мне не нужны были проблемы, а он, судя по всему, мог предоставить их в огромном количестве.

Я просто хотела получить работу.

И не важно, что от него у меня затрепетало в животе и задрожали пальцы. Не важно, что он разбудил во мне то, что было мертво уже давным-давно.

Он снова окинул меня взглядом.

Что-то просчитывал.

Анализировал.

А потом, выпятив подбородок, сказал:

– Иди за мной.

Резко развернувшись, без лишних слов он пошел через бар.

Такая смена настроения меня ошарашила.

Я бросилась за ним:

– Куда мы идем?

Он не ответил. Толпа перед ним расступалась так, будто каждый человек в помещении чувствовал его приближение.

Я старалась не отставать, пока мы шли по нижнему этажу, где яблоку негде было упасть.

Сильное желание. Никаких запретов. Люди вокруг расслаблялись, пуская слюни на группу, готовящуюся выступить на сцене.

Я огляделась по сторонам, как будто искала, за что уцепиться. Словно плот посреди шторма в открытом море.

Мое внимание привлек бармен, разрешивший мне занимать диван целый день. Он был добр ко мне, но в тот момент на его лице отразилась такая самодовольная улыбка, каких я в жизни не видела.

Улыбка, которая кричала: «Слабак».

Не знаю, кому она была адресована: мне или мужчине передо мной, который срезал путь к противоположному концу

барной стойки.

Мистер Лоусон свернул налево в узкий и мрачный коридор. Сбоку висела табличка с надписью: «Только для персонала». Я обогнула острый угол, прижимая сумочку к груди, стараясь не отставать, скользя на каблуках по бетонному полу.

Отлично.

Зарабатываю себе очки.

Через секунду он внезапно остановился и распахнул дверь с правой стороны. Придержал ее и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

Задержав дыхание, я резко затормозила и чуть не поскользнулась, не в силах справиться с турбулентностью, сотрясавшей густой воздух.

Все еще глядя на меня в полумраке, он изогнул бровь:

– Скажи мне, Иден Мерфи, что тебя влечет: жажда острых ощущений или деньги? Пытаешься разозлить своего *папочку*?

Его темные глаза вызывающе сверкнули.

Ого. Мне захотелось сказать этому парню, куда он может засунуть свои слова.

Я пришла сюда только потому, что пыталась спасти своего папу.

Папу, который находился в отчаянном положении.

И я готова была сделать что угодно, чтобы помочь мужчине, который стольким пожертвовал ради меня. Который

сделал бы что угодно ради меня. Он поставил меня на ноги. Поддерживал. Всегда был рядом.

Теперь настала моя очередь заботиться. Но этот придурок не заслужил объяснений, каким бы красивым он ни был.

Я проглотила раздражение и тревогу.

– Я же сказала, что мне нужна эта работа. Ответ, по-моему, очевиден.

– А я сказал, что тебе здесь не место. В городе полно другой работы.

Обида кольнула в груди. Конечно, этот парень явно купается в деньгах, поэтому считает, что так оно и есть.

– Правда, что ли? – фыркнула я, не удержавшись.

Его жесткий взгляд пронзил меня насквозь, как будто я стояла перед ним голая, и спустился от моих глаз к пульсирующей жилке на шее и к трясущимся рукам, которыми я сжимала сумочку.

Вниз, вниз, вниз по юбке-карандашу и моим ногам до самых каблуков, а потом он нехотя и в то же время жадно поднял взгляд и снова посмотрел мне в глаза.

От такого бесстыдного разглядывания у меня по спине пробежал холодок, а желудок сжался от отвращения, смешанного с желанием.

Когда наши глаза встретились, на его лице уже застыла лукавая усмешка.

– Мне кажется, ты из тех, кто проявляет... больше осторожности, – сказал он так, словно оскорбил.

– Вы думаете, что напугали меня? – выплюнула я, будто могла отгородиться от него словами. Превратить их в защитную стену.

Он неожиданно протянул ко мне руку и едва ощутимо коснулся кончиками татуированных пальцев того места на моей шее, где неровно бился пульс.

Бился дико и безумно.

По телу пробежали мурашки, а ноги чуть не подкосились.

Он наклонил голову:

– А разве это не так?

Я изо всех сил попыталась сглотнуть. Сделать вдох. Я резко дернула головой, чтобы выйти из оцепенения.

– Так у вас есть для меня работа или нет, мистер Лоусон? Я сюда не играть с вами пришла.

Он расплылся в кривой и дерзкой ухмылке и шире открыл дверь. А потом жестом пригласил войти:

– После тебя, Котенок.

Стиснув зубы, я вошла в его кабинет широким шагом со всей уверенностью, на которую только была способна. Было не так уж сложно. Возможно, с виду я кажусь изящной и хрупкой. Неземной. Наивной. Но я пережила достаточно трагедий, испытала достаточно душевной боли, чтобы знать, когда нужно взять себя в руки и сделать то, что должно.

Он указал на стул перед столом, повернутым к двери, и приказным тоном сказал:

– Сядь.

Мне пришлось сдержаться, чтобы не закатить глаза, когда садилась, и я все не могла перестать блуждать взглядом по кабинету, который неожиданно оказался гораздо просторнее, чем я думала. Я внимательно все осмотрела. Массивный черный письменный стол и черное кожаное кресло. Особое внимание привлек стеклянный шкаф у стены.

Он был заполнен раритетами, драгоценностями и прочими древними штуками. Пистолетами. Мечами. Я сглотнула, когда увидела несколько старинных, покрытых ржавчиной орудий пыток, выставленных на всеобщее обозрение, словно трофеев.

Мне стало не по себе.

Все в этой комнате так и кричало о садизме.

У меня сдавило грудь, и я заерзала на стуле.

Парень вдруг оказался совсем рядом, наклонился ко мне сбоку и, проводя пальцем по моей щеке, прошептал мне на ухо:

– Еще не поздно убежать, Котенок. Обещаю, что даже не стану догонять тебя.

Я проглотила сомнения, готовые вырваться из груди; внутренний голос твердил мне, что, придя сюда, я нарываюсь на неприятности, подобных которым в моей жизни еще никогда не было. Инстинкт самосохранения призывал встать и бежать без оглядки.

Но у меня была цель, и я не собиралась отступать от нее.

– Как я уже сказала, мне нужна эта работа.

Он еще неприлично долго простоял, нависая надо мной, а потом наконец протяжно выдохнул и обошел стол. Устроившись в огромном кожаном кресле, он залез в выдвижной ящик, достал оттуда стопку бумаг и положил ее передо мной.

– Все подписывают соглашение о неразглашении.

Что?!

Кто знает, что творится в этом заведении? По этому мужчине явно было видно, что он занимается нечистыми делами. Что его темнота распространяется гораздо дальше внешности. Что его руки запачканы.

От нервов у меня скрутило живот.

Я в самом деле пойду на это?

Он отклонился, поставив локоть на подлокотник кресла, и подпер голову рукой. Пока я пребывала в подобии транса, он незаметно для меня успел снять куртку; видимо, я на какой-то момент отключилась, охваченная безумием происходящего.

Он сидел передо мной, как король порока. Его руки были воплощением разврата. В глазах царила пустота, в глубине которой скрываются грехи.

Думаю, именно в этот момент я вспомнила слова отца. Он говорил, что мы все оказываемся перед искушением. Мы либо встаем перед ним на колени, либо разворачиваемся к нему спиной, но никогда – никогда – не можем обуздать его.

Можете считать меня идиоткой, но я собиралась попробовать.

Я вздернула подбородок:

– Я не стану делать ничего противозаконного.

Он расплылся в похотливой улыбке:

– Не волнуйся, Котенок, у меня для тебя есть кое-что куда интереснее.

* * *

Он серьезно?

У него для меня есть *кое-что куда интереснее?*

Я стиснула зубы и едва сдержала слезы, вычищая последнюю из кастрюль, которые громоздились в мойке. Меня еще никогда в жизни так не унижали.

Я сказала ему, что у меня есть опыт.

Возможно, я никогда раньше не подавала коктейли, но я знала, как позаботиться о людях, и делала это хорошо. Збота о людях – это то, чем я занимаюсь всю свою жизнь.

Вместо того чтобы сказать мне прийти завтра на обучение, он выдал мне дурацкий фартук и отправил на кухню, притом что я все еще была в юбке и на каблуках.

Придурок.

От музыки, грохочущей в недрах бара, сотрясались полы, а я пыталась подавить вспышку ярости, убеждая себя в ее нелепости.

Или же гнев был логичен.

Этот парень хотел оскорбить меня. Унизить. Пристыдить

и заставить подчиниться.

Я не ушла только потому, что не собиралась доставлять ему такое удовольствие, а не потому, что хотела еще хоть раз вернуться сюда.

Я бросила взгляд на часы.

Два часа ночи.

Мне нужно быть на настоящей работе к семи утра.

Черт, завтра я буду ходячим зомби. Очень сердитым и злым зомби без единого цента в кармане.

Я бы с радостью отказалась от сна за настоящие деньги.

Но вот это?

Я смахнула скатившуюся слезинку.

Проклятье. Он не должен видеть, как я плачу. Но именно этого он и хотел. Унизить меня. Но что еще? Я надеялась, что найду способ выдохнуть. Какое-то благословение, но мне нужно было сто раз подумать, прежде чем искать его в таком месте, как это.

Возможно, это был знак. Мое спасение. Дар, скрытый за пеленой насмешек.

Мне здесь не место. Я не хотела быть частью этого мира. Мы сами рисуем карту своей жизни, и на моей это место было помечено черным пятном. В доказательство этому у меня на затылке волосы встали дыбом, когда я почувствовала движение воздуха.

В животе все скрутило от тяжелого, вибрирующего напряжения, заполнившего комнату. Оно накатило со спины, ли-

шая возможности дышать. Я чувствовала себя загнанной в невидимые цепи, из которых – я знала – мне уже не вырваться.

– Котенок, – раздался его хриплый, как скрежет, голос.
Я сжала зубы сильнее.

– Чем могу вам помочь, сэр? – Я выплюнула эти слова с намерением оскорбить.

– Твоя смена окончена. Том закончит загружать посудомойки и помоеет полы.

Я попыталась сделать нормальный вдох и не сорваться на крик. Изобразила самую фальшивую улыбку, какую только могла, но была уверена, что все равно выгляжу как сумасшедшая, когда развернулась и бросила в его сторону:

– Отлично.

Я попыталась обойти его, но он схватил меня за руку.
Вспыхнул огонь.

Пламя взвилось вверх по моим венам.

Да что такое со мной творится?

Я замерла, не глядя на него, а потом изогнула бровь, увидев конверт, который он протянул.

Очень пухлый конверт.

Я осторожно взяла его трясущейся рукой:

– Что это?

– Твои чаевые за сегодня.

Я не успела скрыть смятение:

– Что?

– Официанты и бармены делят чаевые с остальным персоналом. Твоя работа позволяет им хорошо выполнять свои задачи. Такие здесь правила.

Я ошарашенно моргала, все еще чувствуя его руку на своей. А потом потрясенно прошептала:

– Спасибо.

Он наклонился ближе, так что его энергия окутала меня целиком, и в дюйме от моего подбородка произнес грубо, словно угрожал:

– Еще рано благодарить меня.

А потом он развернулся, направился к вращающейся двери и, не потрудившись оглянуться, сказал:

– Увидимся завтра в девять вечера, Котенок.

Готова поклясться, что земля задрожала под моими ногами.

Я осторожно заглянула в конверт. У меня чуть сердце не остановилось. Внутри было по меньшей мере три сотни долларов наличными.

О боже.

Я прижала руку к груди и попыталась сделать глубокий вдох, чтобы прийти в себя.

Чтобы осмыслить свое оцепенение.

Необходимость бежать и искушение *остаться*, которые разрывали меня.

Голова все еще шла кругом, когда я стянула с себя фартук и направилась в раздевалку, чтобы взять сумочку. Мне вдруг

стало интересно: может быть, у меня наконец – наконец-то – появился шанс, и я молилась, чтобы не повестись на приманку, которая заведет меня в самое пекло ада.

Глава третья

Трент

Я простонал и сильнее уткнулся в подушку, почувствовав, как по моему матрасу пришелся удар, который тянул на восьмерку по шкале Рихтера. Удивительно, как при таком количестве энергии этот ребенок ростом метр с кепкой не разнес весь дом.

– Папа, папа, папа! Вставай же, нужно спешить. – Он принялся прыгать по моей стороне кровати, создавая своими маленькими ножками целое землетрясение. – Сегодня первый день школы, ни в коем случае нельзя опаздывать, я не хочу неприятностей. Неприятности – это плохо, так ведь, пап, так?

Я стиснул подушку и напрягся, чтобы разогнать туман в голове. Усталость. По правде говоря, три часа сна несколько не помогли.

Но он был единственным, благодаря кому все это имело смысл.

Одна любовь.

Одна привязанность.

Один смысл.

– Так ведь, па, так? – Он продолжал прыгать.

На этот раз я, снова простонав в подушку, заставил себя

перекатиться на спину и открыть глаза навстречу рассвету.

Передо мной был он, этот мальчишка, весь такой солнечный, полный любви и радости, улыбался, глядя на меня.

Гейдж.

Мой сын.

Единственный, кто мог заполнить своим сиянием кратер, выжженный посреди моего черного сердца.

Единственный яркий лучик, способный дать мне надежду.

Единственное хорошее в моей жизни. Единственное, что я готов защищать ценой этой самой жизни. На нем были джинсы, рубашка на пуговицах с коротким рукавом и клетчатые кеды. Выглядел как крутой парень. Таким он и был.

Вот только кожу на его руках и шее покрывали какие-то кривые каракули и линии, нарисованные чернилами.

Какого хрена?

Сев на кровати, я уперся пальцами в изголовье, щурясь от ослепительного света.

– Что это, дружище?

Я показал на всю эту хрень, которую он нацарапал по всему телу.

Он вытянул руки в стороны, явно гордясь собой.

– А ты как думаешь, пап? Нравится? Теперь я выгляжу прямо как ты. – Его глаза цвета карамели распахнулись в предвкушении одобрения. – Только еще не такой большой, но скоро вырасту! Так ведь, пап, так?

Гейдж снова запрыгал, отталкиваясь маленькими ножками так сильно, как только мог, задрав руки над головой, и золотистые пряди волос подпрыгивали вокруг его пухлого личика.

Этот пацан такой милаха.

У меня вырвался легкий смешок, я обхватил его руками вокруг талии и опрокинул на спину на кровать. А потом принялся щекотать под ребрами.

– Думаешь, вырастешь таким же большим, как и я, да?

Он взвыл от смеха, хватаясь за живот и дрыгая ногами.

– Ты же сам знаешь, пап! Обязательно вырасту.

– Обязательно, значит? – Я все щекотал его, но легонько, со всей любовью, какую только чувствовал к нему.

Он бил меня по рукам, смеялся и извивался по кровати.

– Да, папа, да! Обязательно! Иначе дяди всю жизнь будут называть меня коротышкой!

– Грубияны. – Я театрально округлил глаза.

– Еще какие, – подтвердил он, решительно вздернув подбородок.

Я замедлился, не в силах оторвать взгляд от этого ребенка, который смотрел на меня как на героя. На его лице расплылась дорогая моему сердцу улыбка, такая широкая, что на щеках появились ямочки.

Я хотел быть таким для него.

Его героем.

Его опорой.

Таким отцом, который заслуживал, чтобы кто-то смотрел на него, как мой сын.

Как будто я не был покрыт шрамами, грехом и стыдом.

Как будто моя душа не была запятнана тем, что я сделал.

Я провел рукой по его макушке, чувствуя болезненную привязанность.

– Я точно знаю. Ты вырастешь очень большим. Очень сильным. Очень хорошим, – заверил его я.

Карамельные глаза засияли.

– Прямо как ты.

Старое горе сдавило грудь, но я натянул на лицо улыбку.

– Ни в коем случае. Ты станешь гораздо лучше меня.

– Кажется, ты завышаешь планку, пап. – Он сказал это на полном серьезе.

Усмехнувшись, я взъерошил ему волосы.

Чертов Логан.

– А мне кажется, ты проводишь слишком много времени с дядей Логаном.

Он выпрямился, и в его голосе зазвучало еще больше серьезности:

– Ты с ума сошел? С дядей Логаном времени никогда не много.

Я криво усмехнулся, опершись на изголовье кровати, и подцепил пальцами подбородок сына.

– Держу пари, это тоже он тебе сказал.

Парень нахмурился:

– Пари – это плохо, пап, разве ты не знаешь?

Сын строго придерживался правил.

Какая ирония.

Я покачал головой, глядя на ребенка, ради которого готов на все, и тревога отступила.

– Ты выглядишь суперкруто, мужик, но мне кажется, нам придется отказаться от татуировок в первый день школы, да?

Он надул губы:

– Да ладно, почему?

– Потому что я сомневаюсь, что твой учитель оценит, насколько ты крут. – Я улыбнулся ему своей самой игривой улыбкой, хотя был на сто процентов серьезен. Не хватало мне еще, чтобы какая-нибудь несговорчивая сучка потом поучала меня.

Осуждала меня.

Осуждала моего ребенка.

– Давай-давай, и пусть твой дядя поможет тебе отмыться. Я приму душ и спущусь через минутку.

– Ладно, пап!

Он слез с кровати, выскочил из моей спальни и затопал вниз по лестнице.

Тяжело вздохнув, я откинул одеяло и побрел в душ, почесывая подбородок и борясь с желанием рухнуть лицом обратно в постель.

Я включил воду, и пар стал наполнять комнату, пока я стягивал с себя трусы, чтобы встать под горячие струи.

Почувствовав тепло, я снова закрыл глаза.

В тот же миг я вспомнил ее лицо.

Вот дерьмо.

Казалось, что бы я ни делал, как бы сильно ни старался идти по праведному пути, я все равно попадал в неприятности. Как будто напрашивался на них, не зная, как остановиться.

И вот снова оступился, поддавшись неуместной вспышке вожделения.

Иден Мерфи.

Маленький дерзкий котенок, который хотел выцарапать мне глаза вчера ночью.

Она была ключом к неприятностям совершенно иного рода, к таким меня обычно не тянуло, вот только я был достаточно безумен, чтобы захотеть открыть этот замок.

Без сомнений, именно поэтому я не вышвырнул ее из бара. Поэтому не мог отделаться от мыслей о ней ни на секунду прошлой ночью, поэтому ее образ первым всплыл в моем сознании этим утром.

Какое удовольствие я получил, глядя на то, как она краснеет, смущается, задирает подбородок. Пришла вся из себя невинная, но в глубине души она явно была борцом.

Мой член затвердел при воспоминании о том, как она такая чопорная сидит в моем кабинете – колотящееся сердце, нервные руки и соблазнительное очарование.

Как она полыхала на кухне, а потом смягчилась и стала шелковой. Как ее дыхание скользнуло по моему лицу, а ее

медовый аромат наполнил мои легкие.

Готов поспорить, что на ощупь эта девушка такая и есть – шелковая.

Все равно что залезть пальцами в сладкий мед.

Я бы с жадностью припал языком к ее невинности.

Но этому не бывать.

Пока эта девушка не увела меня с пути истинного, я быстро намылился, ополоснулся и вышел из душа – не прошло и пяти минут. Я вытерся, натянул джинсы и, все еще суша волосы полотенцем, спустился на первый этаж.

Мой дом – один из стандартных домов премиум-класса. Велика вероятность, что у каждого четвертого соседа точно такой же, и тем не менее это дерьмо стоит целое состояние.

Потолки высокие, столешницы из кварца, на полу серый паркет и ковровое покрытие.

Как будто какая-то степфордская жена не только разработала концепцию, но и оформила интерьер.

Хотя все это было не важно. Единственное, что имело значение, – это безопасность Гейджа. Место, где можно правильно его вырастить. С большим задним двором. С другими детьми, с которыми можно дружить. С парком через дорогу.

В миллионе миль от того места, где росли мы с братьями. На расстоянии целой жизни от того грязного города. От безнравственности. От горя.

От всего мрачного дерьма, которое мы оставили в прошлом.

Я просто надеялся, что тот чертов мир нас никогда не догонит.

Единственной целью моей жалкой жизни было защитить братьев и сына.

Когда я неторопливо вошел на кухню, один из этих братьев как раз был там с Гейджем.

Логан, счастливый мерзавец.

Он самодовольно ухмыльнулся мне, стоя у кухонного островка, на который опирался Гейдж. Вооружившись мочалкой, Логан пытался стереть отметины, которые сын нарисовал на своем теле.

– О, смотрите-ка, а это, случайно, не принцесса Лютик? – воскликнул Логан.

Воспользовавшись тем, что Гейдж отвернулся, я показал Логану средний палец.

Мои придурочные братья называли меня так с тех пор, как еще в детстве я споткнулся и скатился с холма, крича всю дорогу.

Он расхохотался:

– Что не так, солнышко? Кто-то кажется... напряженным. – Вытирая чернила с рук Гейджа, он поджал губы, как будто крепко задумался. – Или одиноким? Девушки, которые тусуются в клубе, не обращают на тебя внимания? Это печально, братишка. Лучше бы тебе уже перепало что-то, чтобы ты перестал хандрить и вести себя как у-р-о-д. Один только взгляд на тебя портит такой чудесный солнеч-

ный день.

Я снова показал ему средний палец.

– А тебе лучше бы отвалить, – тихо сказал я ему.

Мы мастерски научились заменять неприличные слова.

– К тому же тебе известно, что в клубе я никого не трогаю. – Я выплюнул эту фразу, потому что мое правило вдруг показалось отвратительным.

Никаких имен.

Никаких связей.

Никакой привязанности.

Ни малейшего шанса втянуть кого-то в свое уродливое прошлое или позволить подобраться ко мне настолько близко, чтобы всадить нож в спину.

– Вот это да, сколько тестостерона, – цокнул Логан.

– Ты еще не видел мой тестостерон, – проворчал я, направляясь к кофеварке. Этот парень доставал меня каждую секунду своей жизни, а я всегда был слабаком, который любил его, несмотря ни на что.

Я все спускал ему с рук, ведь он жертвовал своими ночами, чтобы приглядывать за моим сыном, пока я в клубе. По правде говоря, та жизнь, что мы создали здесь, не сложилась бы без любого из моих братьев. Без их поддержки. Эти двое были единственными, кому я мог по-настоящему доверять.

– Ты сказал «тест»? – вклинился в разговор Гейдж своим тоненьким голоском, пытаясь уловить тему разговора. – Ой, ты думаешь, мне дадут тест в школе? – Очевидно, что ему,

к счастью, все же не удалось понять, о чем мы. Болтливый Логан не знает, когда нужно придержать язык за зубами.

Но я решил, что все не так уж плохо, если мой сын загорелся от предвкушения написать контрольную. Он повернулся ко мне, пока я наполнял до краев кружку горячим дымящимся кофе.

Я слегка усмехнулся, развернулся, навалился на столешницу и сделал глоток.

– Думаешь, они скажут тебе сдавать тест в первый же день, да? – спросил я.

Гейдж широко улыбнулся мне, ямочки на его щеках придавали ему особое очарование.

– Надеюсь. У меня будут только пятерки. Я сложил в свой новый рюкзак ручки, простые и цветные карандаши. И теперь полностью готов. – Он повернулся к Логану: – Хочешь посмотреть, дядя?

Он попытался вывернуться из-под мочалки Логана. Брат посмотрел на меня поверх головы Гейджа.

– Да кто он такой?

Гейдж запрокинул голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Я Гейдж Майкл Лоусон.

Я подавил смешок, чуть не поперхнувшись кофе.

Логан покачал головой и дотронулся пальцем до кончика носа Гейджа:

– Гейдж Майкл Лоусон, прилетевший с Марса.

Гейдж наморщил маленький носик под его пальцем:

– С Марса? Ну уж нет, дядя. Я из Редемпшн-Хиллз в Калифорнии, родился семнадцатого августа две тысячи шестнадцатого года. У меня даже есть *свидетельство* о рождении. Правда, пап?

Он снова перевел взгляд на меня, ища поддержки. Как делал всегда. У меня сжалось сердце. Моя любовь к нему почти переходит все границы.

– Правда, Гейдж.

Он снова повернулся к Логану:

– Видишь, дядя. Ты ничегошеньки не знаешь.

Логан ошарашенно посмотрел на меня.

Я дернул плечом:

– Что тут скажешь? Парень сообразителен.

Логан почесал свой гладковыбритый подбородок:

– Ага, уроки здесь только мне нужно учить, видимо.

– Может, тебе стоит пойти со мной и научиться чему-нибудь, – слегка пожал плечами Гейдж.

– Может, и стоит, – бросил Логан, борясь со смехом, в его зеленых глазах заплясали веселые искорки. Этот придурок управлял акциями своих клиентов. Сделал очень многих из них миллионерами и себя самого вместе с ними. Уверен, ума ему было не занимать.

У моего младшего брата были такие же черные волосы, как у меня и нашего среднего брата, Джада. Но глаза у Логана были материнские – они сверкали и переливались на све-

ту словно ограненные изумруды. Всегда яркие и сияющие. Он унаследовал и ее добрый характер.

Такой же был у Нейтана.

Горе попыталось прорваться наружу, чувство вины пронзило меня как лезвие острого ножа.

Мне удалось запрятать их глубоко, чтобы они сгнили там, внутри меня, где корчатся демоны.

Я наблюдал за Логаном и своим сыном. Понятия не имею, как брату удалось вырасти хотя бы наполовину нормальным после всего того дерьма, через которое мы прошли. Он живет так, словно ни один день его детства не был омрачен.

По этой причине я мог доверить Гейджа только ему. По этой причине этому бедолаге каждую гребаную ночь приходилось играть в няньку для пятилетки, живущего через два дома от него.

А Джад...

Он больше походил на меня, во всех отношениях, только носил бороду и был в два раза крупнее. Он владел мастерской для мотоциклов на складах за баром, жил своей давней мечтой, насколько мог.

Мы двое построили небольшую империю на обломках.

– Что ж, нам пора выходить, если не хотим опоздать в школу, дядя, – сказал Гейдж. – Нельзя опаздывать. Уроки начинаются в восемь часов, ровно.

Тревога холодком скользнула у меня по спине. Мне до жути не нравилась мысль о том, что за моим ребенком будет

присматривать чужой человек.

Но я дал себе обещание, что у него будет жизнь, настолько приближенная к нормальной, насколько я смогу ему дать, и этому совсем не поможет, если я стану держать его дома и прятать, как какого-то отшельника.

Логан взял Гейджа за подмышки, приподнял и поставил на пол.

– Прости, коротышка, но я думаю, мне придется пропустить школу сегодня. У меня могут быть неприятности, если я не появлюсь на работе.

– И тогда тебя поставят в угол? – Сын произнес это так, будто подобное наказание было бы преступлением против человечества.

Пусть это будет самым страшным для него, а я собирался посвятить свою жизнь тому, чтобы он никогда не узнал о настоящей жестокости.

Одна любовь.

Одна привязанность.

Один смысл.

– А мне это не нужно, так ведь? – серьезно ответил Логан, понизив голос. Словно он тоже все понимал. – А теперь, пока ты не ушел, обними меня покрепче; тебя ждет лучший день в твоей жизни.

Глава четвертая

Иден

С самого голубого в мире неба струились лучи слепоглухонемого солнца. Оно окутало наш горный городок теплом, прогнав прохладный ветерок, который шумел в вершинах высоких сосен и дубов.

На секунду подставив лицо солнцу, я глубоко вдохнула свежий воздух. Благодаря за то, что у меня есть, и стараясь не поддаваться горю, которое так и норовило вырваться наружу, воспользовавшись перепадами в моем настроении.

Раздались радостные вскрики, и я оглядела площадку, на которой бегали и играли дети из моего подготовительного класса. Я попыталась сдержать улыбку, когда увидела, что Тесса, класс которой тоже вышел на прогулку на последнюю перемену, не спеша идет в мою сторону.

На лице моей подруги отразилось любопытство, и она, хитро улыбаясь, осторожно подошла ко мне.

– Кто-то выглядит как ходячий труп. – Она наклонилась ближе к моему уху и прошептала так, словно это был ужасный секрет.

– Ого. Спасибо за комплимент, – выдавила я настолько саркастично, насколько смогла.

Тесса рассмеялась, ее волосы цвета клубничного блонда,

собранные в хвост, качнулись от плеча к плечу.

– Слушай, а помнишь, мы обещали, что всегда будем честны друг с другом? Какой бы лучшей подругой я была, если бы сейчас нарушила это соглашение?

– Эм-м... милой, доброй, хорошей?

Усмехнувшись, она толкнула меня плечом:

– Вряд ли. Сама же знаешь, что любишь меня за то, что я все скажу прямо, на это можешь рассчитывать. И поверь мне, сейчас я говорю прямо.

Она скривилась, как будто ей было противно, пытаясь при этом сдержать улыбку.

Я рассмеялась, несмотря на дикую усталость:

– Ладно. Учитывая, что именно так я себя и чувствую, не удивлена, что это заметно.

Вчера ночью я понимала, что сегодня буду как зомби. Очень сердитым и злым зомби без единого цента в кармане.

Но благодаря парню, из-за которого я до сих пор чувствовала себя не в своей тарелке, из-за которого я всю ночь проворочалась с боку на бок, не в силах избавиться от странного чувства, распространявшегося по телу, – я была хотя бы не совсем на мели.

Я не знала, что и думать о своем новом боссе, кроме той очевидной правды, что мне нужно держаться от него как можно дальше. И еще я прекрасно знала, что – хоть это и глупо – приползу туда обратно сегодня вечером.

– Но ты получила эту работу, так ведь? Это же хорошо? –

настаивала Тесса.

Она, конечно же, умирала от любопытства и весь день на работе хотела расспросить меня о подробностях, но мы ни на секунду не оставались наедине. В первый учебный день в школе всегда царит хаос.

Родители опаздывают. Дети плачут и не понимают, что делать, а другие отказываются подчиняться правилам и проверяют границы дозволенного. Кто-то забыл обед, а у кого-то разбилось маленькое сердечко оттого, что его впервые оставили одного.

Я щедро вкладывала всю свою любовь и энергию в каждого из них, пытаюсь показать, что это место безопасно. Здесь они будут учиться новому и взрослеть, наслаждаясь этим.

Вот что было важно.

Вселить надежду и дать знания детям, которых мне ввели.

Это моя величайшая радость, мой величайший подарок.

Мое сердце трепетало от ужаса, когда мне в голову приходила мысль, что я могу потерять все это. Что это место просто... закроется. Исчезнет.

Мы с Тессой преподавали в частной Христианской академии Редемпшн-Хиллз. Эта школа принадлежала моему отцу. У нас был список ожидания длиной в милю, поскольку мы снискали репутацию лучшего частного учебного заведения в округе. И да, образование здесь было не из дешевых, но мы почти не получали прибыли, потому что отец вкладывал

вал большую часть заработанного в развитие местного сообщества.

Я гордилась тем, что причастна к этому. Я помогала всем, чем только могла, но никто из нас не загребал деньги лопатой.

И все же нам всегда удавалось держаться на плаву.

Ужас сковал мне грудь и начал сжимать.

Не получать доход – это одно. Оказаться на грани потери всего – совсем другое.

Нависшая реальная угроза и подтолкнула меня отправиться вчера в «Искупление», хотя я сомневалась, что мои жалкие попытки хоть что-то изменят.

Но боже, пачка наличных в моем кошельке шептала, что, возможно, я смогу с этим справиться. Заработать достаточно, чтобы мы продержались, пока папа не придумает, как поступить дальше.

Как окупить расходы.

Как вернуть потерянное.

Как восстановиться – и финансово, и морально.

Тесса, подтолкнув локтем, вывела меня из раздумий.

– Эм, привет, Иден? Ты же уже поработала, да? Расскажи мне все, умираю от любопытства.

– Ага. Начала вчера вечером. – Я пыталась подавить трепет, появившийся в груди. И все мысли, возникающие при воспоминании о резких чертах его лица. Он словно каким-то образом проник внутрь и завладел мной.

Невозможно.

Вероятно, моя неспособность отвлечься от мыслей об этом мужчине – лишь суровый побочный эффект недосыпания.

Я не верила в любовь с первого взгляда, или даже в увлечение с первого взгляда, или... Пожалуй, приходилось признать, что я даже перестала верить во влечение. По крайней мере, в то, что я могу его чувствовать.

Я пришла к убеждению, что мое опустошенное сердце больше не бьется как надо.

Тесса подняла брови, выгнув их над голубыми как лед глазами, а веснушки в тон ее волос затанцевали на лице, когда она наморщила носик.

– И из-за этого ты так выглядишь? Звучит... жестоко.

У меня вырвался вздох.

– Я пришла домой только в половине третьего ночи, а потом не могла уснуть из-за переживаний. Это все ты виновата, знаешь ли. – Я толкнула ее под ребра.

Что угодно сойдет, лишь бы сменить тему разговора.

Тесса возмущенно втянула воздух, всем своим видом изображая обиду.

– Почему это я виновата?

– Это же ты предложила мне обратиться туда, как только увидела объявление, и сказала, что из всех мест в Редемпшн там я быстрее всего смогу заработать деньги.

Разумеется, из всех мест, где не нужно снимать одежду,

но, едва переступив порог бара, я усомнилась, что это место не такое. Вот почему я предложила...

Мои щеки вспыхнули, когда я вспомнила об этом. О том, как чуть было не бросилась танцевать, как будто сама хотела соблазнить его. Как будто это повлияло бы на него или заставило передумать.

Нелепо.

Вот только... а что, если нет? Именно после моего предложения он остановился и сел обратно на диван. Теперь я задумалась, не дура ли я, что благодарна ему за это.

На лице Тессы отразилось недоверие.

– Хм... Я вообще-то пошутила. Никогда бы не подумала, что у тебя хватит смелости на такое.

– Я уверена, что смелость здесь ни при чем. Скорее отчаяние.

– Не-а. Я думаю, все дело в том, что моя лучшая подруга та еще штучка.

– Или глупая, – парировала я.

Она пожала плечами:

– Время покажет.

Я шлепнула ее по руке:

– Ненавижу тебя.

– Ты не можешь ненавидеть своего самого любимого человека в мире. Свою закадычную подругу. Свою сестру по духу номер один. С которой ты не разлей вода. – Тесса пропела это, с каждой фразой становясь все громче.

Я уже смеялась, когда она добралась до последней.

– Ладно, ладно, я не ненавижу тебя. Но я близка к этому. –

Я показала пальцами, насколько была близка.

Она широко улыбнулась:

– Итак, выкладывай. Это место сильно распутное? Ты заработала хоть что-то? К тебе подкатывали? Ну то есть, к тебе же наверняка подкатывали, правда? Скажи, что заполучила несколько номеров? Пришла пора моей девочке уже заняться делом.

Я была готова снова ударить ее, но остановилась, потому что в нашу сторону побежал маленький мальчик, который все это время сидел за небольшим столиком и раскрашивал что-то в одиночестве. Он практически спас мне жизнь, потому что... Тесса не отстала бы.

Он размахивал листком бумаги над головой, а рюкзак, который был раза в три больше него самого, подпрыгивал на крошечных плечиках.

– Мисс Мерфи, мисс Мерфи, смотрите, что я нарисовал для вас!

Он со своими золотистыми волосами и очаровательными глазами был милейшим существом на свете. Клянусь, мое сердце затрепетало, когда я впервые увидела его за партой.

Тесса называет это болезнью, потому что я привязываюсь к каждому ребенку, который переступает порог моего класса. Но некоторые дети так глубоко западают мне в душу, что частичка меня навсегда останется с ними. Частичка, полная

отчаянного желания и одновременно осознания невозможности. Мои шансы упущены.

– Что ты нарисовал для меня? – беззаботно спросила я.

Он резко остановился и, лучезарно улыбаясь, протянул мне листок:

– Вот что! Как вам?

Я опустила на колени возле мальчика и взяла рисунок. Мой взгляд скользнул по незамысловатому рисунку, на котором в виде человечков-палочек явно были изображены мы с ним, держащиеся за руки, под гигантским солнцем на траве в виде зазубрин.

Нежность запульсировала у меня в груди, трепетом отдаваясь в пустоте.

– Мне кажется, это красиво.

Его улыбка стала еще шире.

– Я сдал тест?

У меня вырвался недоуменный смешок:

– Тест?

– Мне нужны только пятерки, мисс Мерфи! Разве вы не знаете, что пятерки – самые-самые лучшие оценки?

Я ничего не могла поделать, рука сама потянулась, чтобы провести по его волосам.

– Не волнуйся. Ты отлично справляешься.

Он снова расплылся в улыбке:

– Это просто замечательно. Я расскажу папе. А вы знаете, что мой папа самый лучший в целом-прецелом мире? –

Пока мы с ним болтали, мальчик успел взять меня за руку и встать рядом. С его губ продолжали слетать слова, пока он раскачивал нашими руками в воздухе. — Мы с ним пошли в магазин, и он купил мне тетрадки, ручки и краски, и все-превсе, что нужно, чтобы получать пятерки. А еще у меня новые туфли.

Он выставил левую ногу вперед.

Мои губы тронула веселая улыбка.

— Кажется, он хороший папа.

— Ага. Самый лучший. Но мой дядя сказал, что нужно, чтобы ему перепало что-то, тогда он перестанет хандрить и вести себя как у-р-о-д. — Он понизил голос, произнося это слово по буквам, будто подражая тому, от кого его услышал.

Тесса подавилась смешком, рвущимся у нее из груди, а я, резко обернувшись, бросила на подругу предостерегающий взгляд. Она прижала руку ко рту, пытаясь прикрыть его, и неистово заморгала.

Но ей все равно не удалось сдержать смех, поэтому она на секунду отвернулась в сторону, чтобы это было не так заметно.

Я сама изо всех сил боролась с желанием засмеяться, пытаясь подавить веселье.

Тесса снова повернулась к нам, все еще с трудом сдерживая улыбку.

Я поправила свой сарафан, как будто это могло помочь удержать подступающий к горлу смех, и подумала, что, если

я не положу этому конец, Тесса будет кататься по земле от смеха.

– Может, тебе покачаться на качелях, пока ты еще здесь? – предложила я. – Я уверена, твой папа скоро придет за тобой.

Но он лишь крепче сжал мою руку.

– Не-а. Все хорошо. Мне здесь нравится.

Вот как.

Хорошо.

Тесса все хихикала.

Я выпучила на нее глаза.

– Да прекрати ты уже, – сказала я одними губами.

– Что?– Она пожала плечами.– Ну очень смешно же. Серьезно, *перепало*? – Она тоже почти беззвучно зашевелила губами. – Эм, ты видела его отца? Он подвозил его утром, и боже мой. – Она принялась обмахиваться рукой. – Я уверена, ему частенько перепадает.

Я шлепнула ее той рукой, которую не держал мальчик.

– Да успокойся ты, – зашипела я.

Но шифроваться было необязательно, потому что очаровательный малыш уже начал петь: не обращая внимания на нас, он во весь голос распевал алфавит.

Тесса снова пожала плечами.

– Как я уже отметила раньше, я говорю правду. Так ты видела? – не унималась она.

Я раздраженно выдохнула. Тесса просто так не отстанет.

– Нет, я встречалась со *своим* папой.

Пыталась придумать что-то, чтобы сохранить эту школу и его дом. А вовсе не стремилась заценить отцов новопривывших детей.

Этого было достаточно, чтобы Тесса нахмурилась, а ее голос стал серьезным:

– Как он?

Печаль стиснула мне сердце. Печаль, которая обрушивалась на меня удар за ударом. Я все еще не могла поверить в происходящее.

– Беспокойся. Убит горем. Не знает, где достать деньги, и все еще не в силах принять, что она так поступила с ним.

Я думала, что папа все еще отрицал то, что произошло. Искал оправдания для моей сестры. Отказывался сообщить в полицию, даже когда у нас на руках появилось неопровержимое доказательство ее причастности.

Мой отец был самым великодушным человеком на свете. Он всей душой стремился спасти целый мир, включая не только друзей, но и незнакомцев. К сожалению, зачастую это приводило к тому, что его использовали.

Но когда так поступил кровный родственник? Его дочь? Моя сестра? Это стало сокрушительным ударом. Таким, к которому никто из нас не был готов.

Печаль терзала душу, боль обжигала так сильно, словно рана была физической. Глубокой и пульсирующей.

После всего, через что мы прошли – после всех наших страданий, – я не могла понять, как она могла прийти сюда

и причинить еще больше боли. Как после такого она могла жить в согласии с собой.

Больше всего ранило то, что я все еще любила ее. И бесконечно скучала по отношениям, которые были у нас до того, как она потеряла себя.

Но мой папа и я? Мы все еще были друг у друга, и я намеревалась приложить все силы, чтобы все исправить. Не дать ему сломаться, как он не давал мне.

Я сглотнула тревогу.

– Я пообещала ему что-то придумать. – Я старалась, чтобы никто из учителей, кроме Тессы, не узнал о ситуации, в которой мы оказались. – Сказала ему, что попытаюсь собрать деньги, чтобы отсрочить конфискацию, хотя бы на время, пока мы не придумаем что-то еще.

Но как мы сделаем это, я понятия не имела.

Тесса вздохнула:

– Ты не можешь исправить все, Иден. Я волнуюсь за тебя.

– Говорит та, что отправила меня в логово льва. – Я пыталась поддразнить ее, хотя мой голос дрожал.

– Ну раз уж ты все равно попыталась бы что-то предпринять сама, я подумала, что могу указать тебе верный путь. Так и что там было? Серьезно, поверить не могу, что ты сразу же приступила к работе. Вот это везение.

Я фыркнула, снова почувствовав недовольство, охватившее меня прошлой ночью.

– Было совершенно понятно, что владелец просто испы-

тывал меня на прочность и лишь поэтому сказал приступить немедленно.

Она задумчиво приподняла бровь:

– Это почему еще?

– Скажем так: он решил доказать, что мне там не место.

На лице Тессы промелькнула досада.

– И каким образом он собирался это сделать?

Я крепко сжала руку мальчика, который все еще распевал свою песенку, улыбаясь и наблюдая за детьми с невероятно довольным выражением лица. Я повернулась к Тессе:

– Некоторые охотники любят поиграть со своей добычей, прежде чем прикончить ее.

Я высоко вскинула брови, чтобы она сложила два и два.

– А-а... – буркнула Тесса, понимая, на что я намекаю. –

В таком смысле.

– Ага.

– Дай-ка угадаю. Он невообразимо горяч и считает, что весь мир вращается вокруг него?

У меня вырвался хриплый смешок:

– Это ты еще слишком преуменьшила.

Горячий.

Красивый.

Вселяющий страх.

Полный придурок и в то же время какой-то... опекающий, но в странной властной манере.

– Кстати, о горячих парнях... – Она наклонила голову в

сторону белого «Порше Панамера», который остановился на парковке по ту сторону кованых ворот в месте, предназначенном для родителей. — Вот и он.

И тут я подумала, что мне мерещится.

У меня начались галлюцинации.

Или это какая-то жестокая больная шутка, или я сделала что-то ужасное в прошлой жизни и теперь пришла пора расплатиться за это.

Потому что невозможно было не узнать эти глаза цвета тлеющего угля, которые пожирали меня через лобовое стекло машины, остановившейся у бордюра.

Его невыносимо красивое лицо побледнело от шока. Он стиснул челюсти, кажется, в приступе ненависти. Или веселья.

Когда речь шла об этом мужчине, уверена, разницы не было.

Я сжала руку ребенка.

Инстинктивно.

Машинальная реакция, чтобы защитить его.

По телу пробежала дрожь. Тревожное чувство, как будто что-то надвигается. Что-то, чего я не понимаю, но чего мне следует опасаться.

Мужчина вылез из своей показушной машины. Я бы никогда не подумала, что она ему подходит, но почему-то в тот момент показалось, что это идеальный дополняющий штрих.

Он выпрямился во весь угрожающий рост.

– Вот он! Вот он! – Мальчик запрыгал и замахал ему рукой. – Привет, папа, привет! Мы здесь!

Воздух наэлектризовался. У меня закружилась голова, колени подкосились, а во рту пересохло.

Трент Лоусон широкими шагами направлялся к воротам с мрачным и самодовольным видом человека, которому на все наплевать, хотя вокруг висели как минимум пятнадцать табличек с просьбой родителям оставаться в машинах, потому что их детей сопровождают за ворота.

У меня сложилось впечатление, что этот мужчина не из тех, кто повинуется правилам.

Он мало изменился со вчерашнего вечера. Снова тотальный черный: джинсы, футболка с V-образным вырезом и грубые ботинки. Вид его татуированного тела, слишком открытого для этого места, казался вызывающе порочным.

Мне нестерпимо захотелось схватить мальчика и спрятать его в здании школы. Подбежать к остальным детям и скорее увести их в безопасное место.

Срочно эвакуировать их оттуда.

Но я просто стояла. Ошарашенная.

Наконец я пробормотала:

– Это твой папа?

Гейдж Лоусон. Ну конечно.

Это и впрямь была жестокая больная шутка, и я оказалась в ее эпицентре.

– Ага! Это он. – Гейдж подпрыгивал и показывал на

него. – Скажите ему, что я получил пятерку, мисс Мерфи! Он будет так гордиться!

Трент Лоусон уверенно направлялся в сторону ворот с явным намерением войти во двор.

Наконец я снова обрела дар речи и выкрикнула, пока он не успел зайти:

– Сэр, вам нужно подождать в машине. Занятия заканчиваются через пару минут, мы приведем вашего ребенка. Родителям запрещено заходить сюда без предварительного согласования с администрацией.

Положив руку на щеколду ворот, он остановился, и уголок его красивых губ приподнялся в надменной улыбке.

– Правда, что ли?

Я вздернула подбородок, все еще держа его сына за руку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.